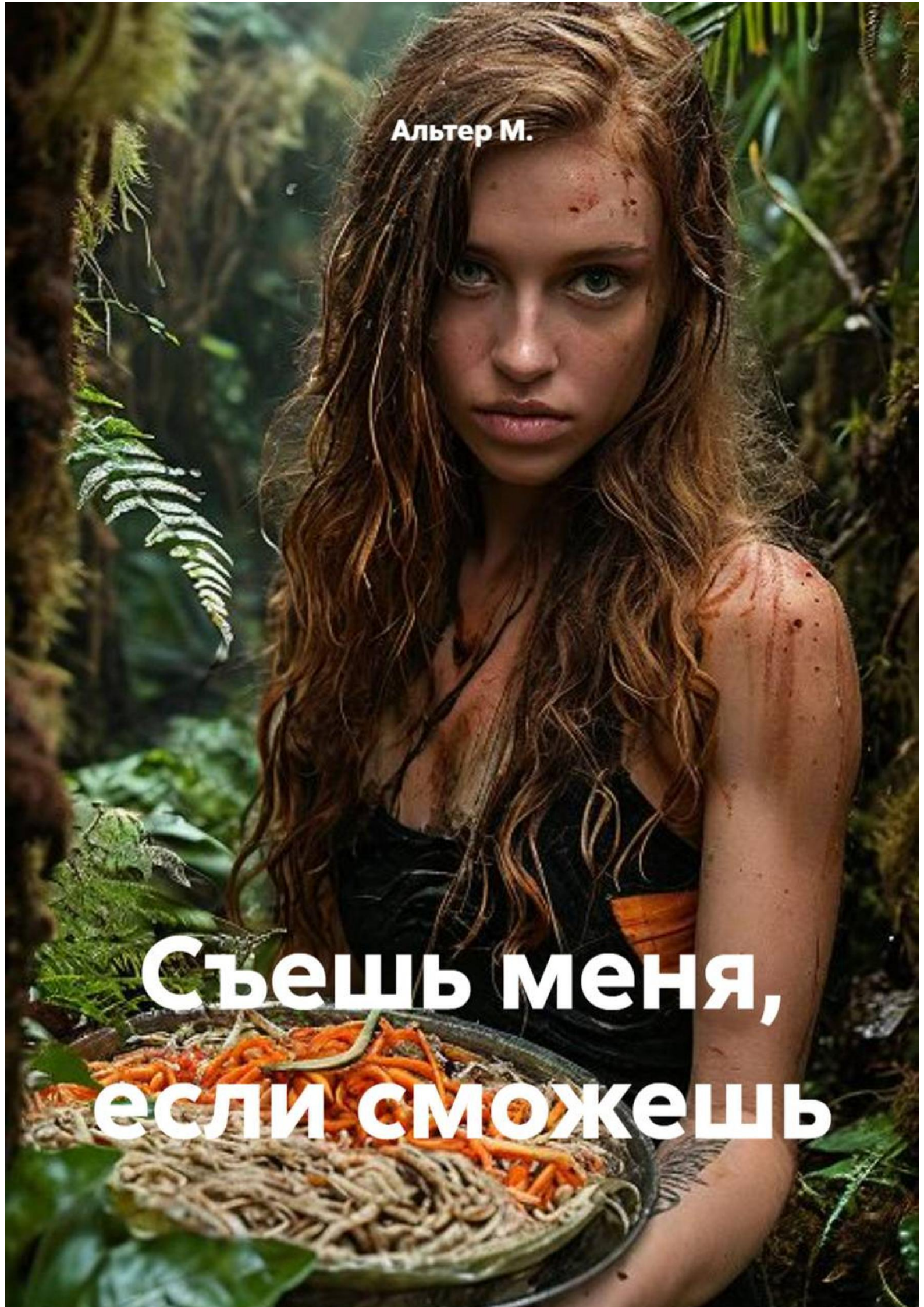

Альтер М.

**Съешь меня,
если сможешь**

Альтер М.

Съешь меня, если сможешь

«Автор»

2026

М. А.

Съешь меня, если сможешь / А. М. — «Автор», 2026

Популярный блогер-веган Вера Виноградова мечтает о славе и соглашается на реалити-шоу «Дикий Эдем». Но вместо безобидного приключения она попадает в ловушку: её заставляют есть мясо, а затем и вовсе объявляют частью жуткого биологического эксперимента. В подземном лабиринте Вера сталкивается с голодом, безумием и нечеловеческими хищниками. Чтобы выжить, ей придётся пересмотреть все свои убеждения и принять собственную тёмную сторону. Психологический триллер о границах человеческой воли, природе страха и цене свободы.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зеленый коридор	5
Глава 2. Трапеза в темноте	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Альтер М.

Съешь меня, если сможешь

Глава 1. Зеленый коридор

Запах был неправильным.

Он проникал сквозь сон, густой и сладковатый, словно патока, смешанная с чем-то тяжелым и железистым. Алиса поморщилась, не размыкая век, пытаясь удержать остатки уютного небытия, где не было ни этого запаха, ни липкого страха перед будущим. Где-то на границе сознания еще теплилась мысль о том, что она находится в своей уютной московской квартире, в постели из органического хлопка, и сейчас проснется от щебетания птиц в записанном на диктофон лесу.

Но под спиной ощущался жесткий настил, а вместо щебета — монотонный, на грани слышимости, гул. Он напоминал не то работу мощного трансформатора, не то дыхание огромного спящего зверя, затаившегося прямо под полом. Алиса заставила себя открыть глаза.

Первое, что она увидела, — это дерево. Грубо отесанная балка под потолком походила на позвонок какого-то ископаемого чудовища. Смола, выступившая на срезе, блестела в тусклом свете единственной лампочки, свисавшей на перекрученном проводе, янтарной слезой. Где она? Мозг, привыкший к строгому распорядку публикаций и аффирмациям, отказывался принимать эту грубую, примитивную реальность.

Алиса резко села на кровати. Низкий потолок заставил ее инстинктивно пригнуть голову. Комната — или, вернее, клетушка — была крошечной. Стены, сколоченные из неструганых досок, хранили следы топора. Никаких окон. Только дверь, тяжелая, обитая металлическими полосами, без ручки с внутренней стороны. Лишь узкая замочная скважина темнела на уровне глаз, напоминая зрачок, устремленный в пустоту.

Сердце бухнуло в грудь, заглушая далекий гул. Паника, холодная и липкая, начала подниматься откуда-то из живота, сдавливая горло. Дыши. Она должна дышать. Алиса зажмурилась и начала считать вдохи, как учил ее когда-то инструктор по йоге, еще до того, как она стала «той самой Верой Виноградовой» (псевдоним, ставший именем), веган-блогером с двухмиллионной аудиторией, которая несла свет осознанности в массы.

Вдох на четыре счета.

Задержка.

Выдох на шесть.

Еще раз.

Запах никуда не делся. Он стал только сильнее. Теперь, когда сознание прояснилось, Алиса смогла разложить его на составляющие. Это был не просто душок заброшенного сарая. В нем отчетливо проступали ноты жженого сахара, дыма и... мяса. Вареного, разваристого, разваливающегося на волокна мяса, от которого поднимается насыщенный пар.

Желудок, пустой и сжавшийся после вчерашнего скудного перекуса, предательски заурчал. Это было невозможно. Последние шесть лет ее жизни были выстроены вокруг философии абсолютного отказа от животной пищи. Ее тело — храм, как она любила повторять, — не знало вкуса плоти. Оно очистилось, стало легким и звонким, как хрустальный бокал. И сейчас этот хрусталь вдруг отозвался на грубый, животный запах дрожью низменного желания.

Алису затошнило от отвращения к самой себе. Это шоу. Это проклятое шоу, на которое она подписалась. «Дикий Эдем». Одно название чего стоило! Но условия контракта оказались слишком соблазнительными. Гонорар, равный годовому доходу от всех рекламных интеграций вместе взятых. Плюс полный ребрендинг: из «городской сумасшедшей с авокадо» она должна была превратиться в глазах миллионов в сильную, выносливую женщину, способную выжить в дикой природе, питаясь подножным кормом. Продюсер, скользкий тип по имени Радомир, втирал ей про «новый уровень аутентичности», про «настоящий контакт с Землей», про «мировую трансляцию без купюр».

И она, дура, купилась. Подписала договор на тридцати страницах, даже не читая то, что было напечатано мелким шрифтом. Ее менеджер, вечно обкуренный хипстер, только отмахивался: «Да расслабься, Вер, это бомба. Золотое дно. Ты станешь гуру выживания».

Выживания. Это слово сейчас обрело новый, зловещий смысл. Алиса спустила ноги с кровати. Пол был ледяным, несмотря на то, что на дворе стоял, кажется, июль. Она поежилась. На ней все еще был ее собственный комплект для сна: свободные льняные брюки и топ на тонких бретелях. Хоть это не тронули. Носки куда-то исчезли, и босые ступни касались шершавого дерева, по которому, как ей показалось, пробежала мелкая дрожь — не то от сквозняка, не то от вибрации того самого непонятного механизма.

Она встала и подошла к двери. Прижалась ухом к холодному металлу оковки. Тишина. Абсолютная, ватная тишина, в которой тонул даже низкочастотный гул. Казалось, за дверью находится не коридор или съемочная площадка, а бесконечная вязкая пустота. Алиса поднесла кулак к доскам, чтобы постучать, но в последний момент остановилась. Что-то ее удерживало. Интуиция, обострившаяся за годы жизни в информационной войне с «мясоедами», кричала: «Не привлекай внимания. Осмотрись. Ты не одна».

Она резко обернулась. Комната была пуста. Кровать, грубо сколоченный стол, на котором стояла керосиновая лампа с треснувшим стеклом, и табурет. Вот и вся мебель. Никаких камер. Алиса это почувствовала сразу. Она привыкла к их незримому присутствию, к красным огонькам, подмигивающим из углов. Здесь не было ни единого объектива. Только стены, пол и потолок, источающие запах старого дерева и чего-то тошнотворно-съестного.

Взгляд упал на табурет. На нем стоял поднос. Алиса не заметила его сразу, потому что в комнате царил полумрак, а поднос был из темного металла. Она сделала два шага вперед, и сердце пропустило удар.

На подносе стояла миска. Глубокая, глиняная, с неровной поливой. От нее поднимался пар, и именно она была источником запаха, заполнившего комнату. Рядом с миской лежала железная ложка и ломоть хлеба — черного, плотного, с вкраплениями семян. Хлеб, наверное, был веганским, но от миски веяло такой концентрированной животной сутью, что Алиса инстинктивно прижала ладонь ко рту, сдерживая рвотный позыв.

Тушеное мясо. Густой, темный бульон, в котором плавали разваренные куски, покрытые дрожащей пленкой жира. Среди мяса виднелись кружочки моркови и развалившаяся на волокна капуста, но это был лишь камуфляж, жалкая попытка замаскировать очевидное.

— Это ошибка, — прошептала Алиса вслух. Голос прозвучал глухо, словно вата тишины поглощала не только звуки снаружи, но и здесь. — Они перепутали. Это не мне.

Она попятилась к двери и снова забарабанила по ней кулаками. На этот раз сильно, с отчаянием.

— Эй! Выпустите меня! Здесь какая-то ошибка! Я веган! Вы слышите? Ве-ган!

Тишина за дверью осталась непроницаемой. Только гул, казалось, стал громче в ответ на ее крики, словно зверь под полом проснулся и потянулся, скребя когтями по каменным сводам фундамента. Алиса замолчала, тяжело дыша. Кулаки саднили. Она снова посмотрела на поднос.

Помимо миски и хлеба, она увидела стакан с водой и сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Алиса схватила его, как утопающий хватает соломинку. Буквы прыгали перед глазами, но она заставила себя сфокусироваться. Это была распечатка, грубая, словно сделанная на старой печатной машинке.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭДЕМ, ПУТНИК.

ПРАВИЛО №1: ЕДА СВЯЩЕННА. ТЫ ДОЛЖЕН СЪЕСТЬ ВСЕ, ЧТО ПОДАНО, ДО ПОСЛЕДНЕЙ КРОШКИ.

ПРАВИЛО №2: ХИЩНИК НЕ ОХОТИТСЯ ВО ТЬМЕ. ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ В СВОЕЙ КЕЛЬЕ.

ПРАВИЛО №3: В ЭДЕМЕ НЕТ ОШИБОК».

Алиса перечитала последнюю строчку три раза. «В Эдеме нет ошибок». Это звучало как приговор, как звонкая пощечина ее самоуверенности. Продюсер Радомир с его вкрадчивым голосом: «Это будет реалити в твоём формате, детка. Мы создадим рай на земле. Ты будешь в нём Евой». Евой. Только Еву, кажется, забыли предупредить, что в этом раю меню состоит из жареного поросенка, а змей-искуситель ещё даже не выполз на сцену.

Она скомкала листок и швырнула его на пол. Ярость — это хорошо. Ярость горячит кровь и глушит панику. Алиса Виноградова, та самая, кто в одиночку разносила в пух и прах целые корпорации в комментариях, кто выдерживала многочасовые прямые эфиры с хейтерами, не имела права раскисать. Это просто шоу. Это их уродская, безвкусная провокация. Они хотят снять её реакцию. Хотят увидеть, как веган давится мясом, чтобы потом выставить этот кадр на весь мир.

«Ну уж нет, — пронеслось в голове. — Я буду голодать. Я объявлю сухую голодовку. Посмотрим, как они запоют, когда их звезда начнет терять сознание в кадре».

Но стоп. В кадре. А где камеры?

Алиса огляделась снова, на этот раз внимательнее. Она ощупывала доски, искала малейшие отверстия, за которыми могла скрываться оптика. Ничего. Идеально гладкая, хоть и грубая на вид, поверхность дерева. Это пугало больше, чем сама миска с мясом. Если нет камер, значит, они не просто снимают шоу. Значит, правила игры совсем иные, и подписанный ею контракт — лишь входной билет в лабиринт, из которого не предусмотрено выхода.

Желудок снова скрутило, на этот раз болезненно. Она не ела почти сутки. Вчера, перед тем как сесть в чёрный фургон с тонированными стеклами, который прислали за ней продюсеры, она позволила себе лишь смузи из сельдерея и шпината. Она тогда думала, что приедет на базу, где ей предоставят отдельный домик с холодильником, полным зелени, фруктов и тофу. Она наивно представляла, как будет гулять по лесу, собирать ягоды, а по вечерам готовить на костре дикий щавель. От этих воспоминаний рот наполнился горькой слюной.

Алиса подошла к столу, стараясь не смотреть на миску. Стакан с водой был запотевшим, капли стекали по стеклу. Жажда внезапно стала нестерпимой. Она поднесла стакан к губам, но в последний момент замерла. А что, если вода тоже отравлена? Что, если они хотят сломить её любой ценой? Память услужливо подкинула кадр из какого-то старого фильма, где в напиток подмешивали галлюциногены.

Но губы пересохли, язык прилипал к нёбу. Алиса сделала крошечный глоток, потом ещё один. Вода была ледяной и удивительно чистой на вкус, без металлического привкуса. Она не почувствовала ничего странного, только облегчение. Поставив стакан, она снова бросила взгляд на мясо.

Оно остывало. Жирная пленка по краям миски загустела, превращаясь в белесую массу. Запах стал менее агрессивным, но более... манящим. Алиса с ужасом поймала себя на том,

что разглядывает волокна мяса, пытаюсь определить, кому они принадлежали. Говядина? Свинина? Баранина? Она забыла, как они выглядят. За шесть лет веганства мозг выстроил непробиваемую стену между ней и любой информацией о животной пище.

— Это труп, — сказала она вслух, чтобы придать себе сил. — Это чей-то труп. Ты не станешь этого есть.

Но тело, ослабленное стрессом и голодом, имело свое мнение. Слюнные железы работали помимо ее воли, посылая сигналы в мозг. Желудок требовал топлива. Перед глазами на миг все поплыло. Алиса оперлась о стол, пережидая приступ слабости.

В этот момент она услышала звук.

Он донесся откуда-то снаружи, из-за стен ее кельи. Не гул, а другой, резкий и пугающий. Крик. Высокий, надрывный женский крик, полный такого чистого, животного ужаса, что у Алисы волосы зашевелились на затылке. Крик длился несколько секунд, а потом оборвался так же внезапно, как начался. Не затих, не перешел в плач, а просто захлебнулся, будто кричавшему заткнули рот.

Алиса замерла, боясь дышать. Сердце колотилось где-то в горле. В наступившей тишине гул внизу стал зловещим аккомпанементом. Она не одна. Там, за стенами, есть кто-то еще. И с этим «кем-то» только что случилось нечто ужасное. Или, возможно, это такая же часть шоу, запись из динамиков, чтобы нагнести обстановку.

Но ее интуиция, ее пресловутое «шестое чувство», которое она так часто высмеивала в своих научно-популярных блогах, сейчас вопило: этот крик был настоящим.

Она не знала, сколько прошло времени. Часы на телефоне, который у нее, разумеется, изъяли еще в фургоне, не шли. Ориентироваться можно было только по лампочке под потолком, но та горела ровным, не мигающим светом. Алиса сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на дверь. Крик изменил все. До него она чувствовала себя жертвой дурной шутки. Теперь она чувствовала себя добычей.

Поднос с остывшим мясом все еще стоял на табурете. Она пыталась игнорировать его, но это требовало огромных усилий воли. Голод из тупого фона превратился в острого зверька, который грыз ее изнутри. Алиса начала вспоминать все свои посты о пользе голодания. Автофагия. Очищение. Кетоновые тела. Да, организм сейчас перестраивается, он сжигает токсины. Это временный дискомфорт. Она переживет. Она сильнее своего тела.

Но мозг, привыкший к постоянной стимуляции, без телефона, без книг, без возможности говорить, начал работать против нее. Тишина в комнате стала вязкой и густой, как кисель. Алиса начала слышать звуки, которых раньше не замечала. Капли воды, падающие где-то глубоко в недрах здания. Шорох, похожий на мышиную возню, за обшивкой стены. И дыхание. Ей казалось, что за дверью кто-то дышит — хрипло, натужно, словно астматик.

Она сползла с кровати и на четвереньках подкралась к двери. Замочная скважина. Алиса затаила дыхание и прильнула глазом к отверстию.

Сначала она не видела ничего, кроме мутного серого пятна. Потом пятно обрело резкость. Коридор. Низкий, длинный, освещенный редкими лампами в проволочных клетках, свисающих с потолка. Стены из того же темного дерева. И прямо напротив ее двери, на расстоянии вытянутой руки, стояли чьи-то ноги.

Алиса вздрогнула и отшатнулась, зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Сердце колотилось как бешеное. Ноги не двигались. Они были обуты в тяжелые, грубые ботинки на шнуровке, забрызганные чем-то темным. Штаны из плотной ткани, не то хаки, не то серые. Человек стоял абсолютно неподвижно, лицом к ее двери. Он просто ждал.

Прошла минута. Две. Пять. Ноги не шевелились. Кто это? Охранник? Оператор, решивший подыграть реали-формату? Или один из тех хищников, о которых говорилось в записке? Алиса почувствовала, как холодный пот стекает по позвоночнику. Она снова заставила себя посмотреть в скважину, но на этот раз осторожно, сбоку, чтобы ее тень не выдала.

Ноги исчезли. Коридор был пуст. Только лампа под потолком слегка покачивалась, отчего тени на стенах танцевали медленный, гипнотический танец.

Время потекло дальше. Алиса потеряла ему счет. Она пыталась медитировать, сидя в углу кровати и повторяя мантру. «Я есть свет. Я есть любовь. Мое тело — храм». Но в храме поселился демон голода, и он крушил стены. Мысли путались. Сознание то прояснялось до пугающей остроты, то заволакивалось туманом.

В очередной раз вынырнув из полузабытья, она увидела, что в комнате что-то изменилось. Лампочка под потолком погасла. Но тьма не была крошечной. Свет проникал из замочной скважины — тусклый, дрожащий, но живой. Алиса перевела взгляд на стол.

Миска с мясом исчезла. Вместо нее стояла другая. Чистая, пустая. А на подносе лежал новый листок бумаги.

Алиса на негнущихся ногах подошла к столу. Ее трясло. Руки дрожали, когда она разворачивала листок.

«ТРАПЕЗА ПРОПУЩЕНА. ШТРАФ.

ПРАВИЛО №4: КАЖДЫЙ ПРОПУЩЕННЫЙ ПРИЕМ ПИЩИ УДЛИНЯЕТ ТВОЙ ПУТЬ ДОМОЙ НА ОДИН ДЕНЬ.

ПРАВИЛО №5: НЕПОВИНОВЕНИЕ КАРАЕТСЯ ПОКАЗАТЕЛЬНЫМ КОРМЛЕНИЕМ».

Что еще за «показательное кормление»? Воображение рисовало картины одна чудовищнее другой. Алиса скомкала и этот листок. Штраф. Они ведут себя как надзиратели в концлагере. Это не шоу. Это какая-то секта. Психологический эксперимент. Ее заперли здесь, чтобы сломать.

Она обессиленно опустилась на табурет. Пустая миска сияла чистотой. Кто-то вошел в комнату, пока она была в забытии. Кто-то стоял в метре от нее, дышал ей в лицо, забирал проклятое мясо и ставил чистую посуду. А она даже не проснулась. От этой мысли кровь застыла в жилах. Они могли сделать с ней что угодно. И они сделают, если она не подчинится.

Голод стал физической болью. Он пульсировал в висках, отдавался в позвоночнике. Алиса посмотрела на свои руки. Пальцы стали тонкими и бледными, кожа приобрела восковой оттенок. Она знала этот эффект. Так выглядит тело, поедающее само себя.

Она вдруг вспомнила одно интервью. Кажется, с актрисой, которая ради роли сбросила двадцать килограммов. Та рассказывала, что на пике истощения у нее начались галлюцинации. Ей чудились жареные куры, парящие под потолком. Алиса тогда презрительно усмехнулась: «Как можно дойти до такого? Надо просто пить больше воды». Теперь она поняла. Голод — это не просто чувство. Это примитивная программа, зашитая глубоко в подкорке. Она отключает интеллект, этику, воспитание. Она превращает человека в зверя, который видит только одно: пустоту в желудке.

Алиса встала и начала мерить шагами комнату. Три шага от двери до стены. Три шага обратно. Пол под ногами все так же вибрировал. Гул не прекращался ни на минуту, и теперь ей казалось, что он доносится не из-под пола, а отовсюду — из стен, из потолка, из ее собственной головы.

На очередном круге она заметила то, чего не видела раньше. Одна из досок на стене, у самого пола, была чуть светлее остальных. Не такая темная, без следов плесени. Алиса опустилась на корточки. Доска не была приколочена наглухо. В щели между ней и соседней доской виднелась тонкая полоска света. Алиса просунула ногти в щель и потянула. Доска поддавалась на удивление легко, отъехав в сторону, словно дверца шкафа-купе.

За ней была пустота. Черный провал, из которого тянуло сыростью и холодом. Лаз. Небольшой, но достаточный, чтобы пролезть человеку ее комплекции. Алиса заглянула внутрь.

Луч света из комнаты выхватывал из темноты какие-то трубы, обмотанные ветошью, и комья пыли. Лаз вел куда-то вниз, под небольшим углом.

Сердце забилося чаще, но теперь к страху примешивалось возбуждение. Это был шанс. Возможно, единственный шанс выбраться отсюда, пока они не вернулись. Кто бы ни были эти «они». Она не будет сидеть и ждать «показательного кормления». Она не овца. Она — Вера Виноградова, черт возьми!

Решение было принято мгновенно. Алиса подбежала к кровати, сорвала грубое одеяло и накинула его на плечи, как плащ. Больше никаких вещей у нее не было. Она сунула ноги в тапки, найденные под кроватью (дешевые резиновые шлепанцы, но лучше, чем ничего), и на четвереньках поползла к лазу.

Прежде чем нырнуть в темноту, она бросила прощальный взгляд на келью. На подносе сиротливо белела пустая миска. «Ничего, — мстительно подумала она. — Подавитесь своей едой». И полезла в проем.

Внутри было тесно и душно. Пахло машинным маслом и старой известью. Лаз резко уходил вниз, и Алиса съезжала по нему, тормозя локтями и коленями. Одеяло цеплялось за какие-то выступы, шлепанцы норовили слететь. Но она упрямо ползла вперед, движимая первобытным инстинктом свободы.

Через несколько метров лаз расширился. Теперь она могла ползти на четвереньках, а затем и вовсе встать в полный рост, пригнув голову. Она оказалась в техническом коридоре. Стены здесь были бетонными, увитыми пучками проводов. Гул стоял оглушительный — здесь явно находился какой-то генератор или вентиляция. Алиса двинулась на звук, надеясь, что он выведет ее к техническому выходу.

Коридор ветвился. Она пошла налево, интуитивно выбирая путь, где гул казался тише. Внезапно нога ступила во что-то мокрое и липкое. Алиса вскрикнула и отскочила назад. Под ногами чавкнуло. Опустив глаза, она увидела в полумраке (свет сюда проникал сквозь ржавые решетки где-то у потолка) темную лужу, растекающуюся по бетону.

Лужа была бурой, с багровыми сгустками по краям. Запах ударил в нос — знакомый, железистый, тот самый, что она почувствовала в своей камере, но в тысячу раз сильнее. Запах свежей крови. Алиса попятилась, зажимая рот рукой. К горлу подкатила тошнота, мир перед глазами качнулся. Она оперлась о стену, чувствуя, как сознание готово покинуть ее.

И тут она увидела это.

В конце коридора, в тусклом пятне света, падающего из решетки, стояла фигура. Человек. Женщина. Она стояла спиной к Алисе, немного сгорбившись. Одежда на ней была разорвана, грязные светлые волосы свисали спутанными прядями. Женщина стояла абсолютно неподвижно, как статуя.

— Эй... — голос Алисы сорвался на сип. — Вы... вы в порядке?

Женщина не ответила. Она лишь слегка наклонила голову набок, как собака, услышавшая незнакомый звук. Алиса увидела ее профиль — бледная кожа, острый подбородок, темный провал глаза. Женщина медленно, очень медленно начала поворачиваться. Алиса замерла, парализованная ужасом. Ей хотелось бежать, но ноги словно приросли к бетону.

Поворот занял целую вечность. И когда женщина наконец оказалась лицом к ней, Алиса закричала.

Лицо было залито кровью. Густая, темная жидкость стекала по подбородку, капала на грудь. Но самым страшным был рот. Он был набит едой. Женщина жевала. Ее челюсти двигались ритмично, с хрустом перемалывая что-то, что свисало у нее изо рта длинными, скользкими волокнами. Что-то, похожее на сухожилия. Что-то, бывшее когда-то живым.

В полубезумных глазах женщины не было ни проблеска разума. Только голод. Глубокий, всепоглощающий, космический голод. Она сделала шаг к Алисе, протягивая к ней руку. На пальцах блестели ошметки плоти.

— Ты... не съела... свое, — прохрипела женщина, и голос ее был похож на скрежет металла по стеклу. — Теперь... ты станешь... едой.

Алиса не помнила, как бежала. Только ужас, чистый, животный ужас гнал ее обратно по коридору. Ветки, повороты, лужи крови под ногами — все слилось в один кошмарный калейдоскоп. Она задыхалась, слезы застилали глаза. Сзади слышался топот. Женщина бежала за ней, и ее босые ноги шлепали по бетону с влажным, чавкающим звуком.

Лаз! Где лаз в ее комнату?! Алиса металась, царапая ногтями стены. Она почти сдалась, когда увидела знакомую доску. Нырнула в узкий проем, обдирая плечи, и кубарем выкатилась в свою келью.

Захлопнула доску. Руки тряслись так, что она едва смогла придвинуть к лазу табурет, забаррикадив проход. Потом отбежала в дальний угол и съежилась там, обхватив колени руками.

С той стороны доски раздалось царапанье. Когти? Нет, просто ногти. Женщина скреблась в стену, как кошка, пытающаяся добраться до мыши. Алиса слышала ее дыхание, хриплое и голодное. А потом наступила тишина. Такая же глубокая и страшная, как прежде.

Сколько она так просидела? Час? Два? Алиса боялась пошевелиться. Все ее тело было одной сплошной раной: синяки, ссадины, ноющая боль в пустом желудке. Она промерзла до костей. Но самым страшным было не физическое состояние. Внутри что-то сломалось.

«Ты не съела свое. Теперь ты станешь едой».

Слова той женщины эхом отдавались в мозгу. Значит, остальные участники... они едят. Они согласились. И они превратились в этих... в этих тварей? Или та женщина — такая же жертва, просто сошедшая с ума от голода и сожравшая то, что ей дали?

Мысли путались. Алиса чувствовала, что реальность ускользает. Гул внизу не прекращался. Он вошел в резонанс с ее пульсом, стал частью ее. Ей казалось, что стены дышат, что само здание — это живой организм, огромный желудок, который медленно переваривает находящихся в нем людей.

Новый запах вплыл в комнату, перебивая даже вонь страха и сырости. Запах еды. Но не мяса. Что-то другое. Овощной бульон. Травы. Алиса подняла голову. Дверь была приоткрыта. В коридоре горел свет. И прямо на пороге стояла тарелка с едой. На этот раз это был рис с овощами. И никакого мяса. Рядом лежала бутылка воды.

Это была ловушка. Самая очевидная, примитивная ловушка из всех возможных. Они поняли, что она не притронется к мясу. И они дали ей то, от чего она не сможет отказаться. Веганскую еду. Ее храм. Ее принципы. Ее спасение.

Или это была галлюцинация? Мозг, умирающий от недостатка глюкозы, услужливо нарисовал самую желанную картину? Алиса с трудом поднялась на ноги и, шатаясь, подошла к двери. Протянула руку. Пальцы коснулись теплого бока тарелки. Настоящая. Запах ударил в ноздри, вызывая спазм в желудке.

«Съешь меня, если сможешь». Эта фраза, вертевшаяся в голове с самого начала, обрела новый смысл. Это был не просто вызов. Это был договор. Ты ешь, чтобы тебя не съели. Ты становишься частью пищевой цепи. Правила просты, как в дикой природе, о которой она так любила рассказывать своим подписчикам, сидя в уютной студии с чашкой матча.

Алиса взяла тарелку. Вода стекала по горлу, омывая пересохшие ткани. Рис казался амброзией. Она ела руками, жадно, давясь, роняя зерна на пол. Каждый кусочек овоща взрывался на языке фейерверком вкуса. Слезы текли по щекам, смешиваясь с соусом. Она ела и плакала, плакала и ела, чувствуя, как жизнь возвращается в ее измученное тело.

Когда тарелка опустела, она поставила ее на пол и откинулась на спину, глядя в темный потолок. Сознание прояснилось. Но вместе с сытостью пришло и новое, леденящее душу понимание. Она нарушила правило. Она не съела то, что было подано изначально. Но она приняла пищу из рук своих тюремщиков. Она вступила в игру.

Кто поставил эту тарелку? Продюсеры, играющие в свои садистские игры? Или та самая женщина, закончившая свою трапезу в техническом коридоре и решившая поделиться гарниром? Ответа не было.

Тьма за дверью снова стала густой и осязаемой. Алиса подползла к порогу и заглянула в коридор. Пусто. Лишь лампы в клетках мигают в такт пульсу гигантского зверя, на котором стояло это проклятое место.

И в этой тишине она услышала новый звук. Шепот. Множество голосов, шепчущих что-то неразборчивое. Они доносились отовсюду, из всех стен, из пола, из ее собственной головы. Они нарастали, наслаивались друг на друга, складываясь в одно единственное слово.

«Ешь. Ешь. ЕШЬ».

Алиса закрыла уши руками, но это не помогало. Шепот проникал сквозь пальцы, вибрировал в костях черепа. Она поняла. Это не галлюцинации. Это не игра. Это место действительно живое. Оно хочет, чтобы его кормили. И она теперь — часть его рациона, если только сама не станет едоком.

Захлопнув дверь, она прислонилась к ней спиной, тяжело дыша. Взгляд упал на мятую бумажку, ту самую, первую, с правилами. Она валялась в углу. Алиса подползла к ней, развернула и прочитала снова.

«ПРАВИЛО №2: ХИЩНИК НЕ ОХОТИТСЯ ВО ТЬМЕ. ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ В СВОЕЙ КЕЛЬЕ».

Но откуда здесь знать о заходе солнца? Здесь нет окон. Есть только тьма, которую они создают сами.

И тут она услышала шаги. Тяжелые, уверенные шаги в коридоре. Кто-то шел к ее двери. Не крался, как голодная женщина, а шел спокойно, зная свою власть. Шаги затихли прямо у порога. В замочную скважину на мгновение проник свет, а потом его заслонила чья-то тень. Алиса замерла, боясь дышать.

Дверь медленно, со скрипом, начала открываться, хотя Алиса точно помнила, что с той стороны нет ручки. Металлические полосы тускло блеснули в свете коридорных ламп. Щель становилась все шире. В проеме показался высокий силуэт. Человек в длинном плаще, с непокрытой головой. Лицо скрывала тень, но Алиса видела блеск глаз — спокойный, изучающий, лишенный какой-либо человеческой эмоции.

Фигура сделала шаг внутрь. Он не был похож на обезумевшего участника шоу. От него веяло холодом и абсолютной, непререкаемой властью. Это был Хозяин. Тот, кто писал правила. Тот, кто кормил.

В его руке Алиса заметила небольшой предмет. Он поднял его, направив на нее. Это была не камера. Что-то другое. Металлический шприц-пистолет, тускло блеснувший в полумраке.

— Правило номер шесть, — произнес человек. Голос был низким, вибрирующим, и он не принадлежал Радомиру. Это был голос самого этого места. — Никогда не покидай свою келью без спроса. Ты нарушила правило, Вера. Твоя аудитория хочет зрелищ.

Он нажал на спуск. Алиса почувствовала укол в шею, и мир вокруг начал стремительно таять. Последнее, что она увидела перед тем, как провалиться в вязкую, наполненную кошмарами тьму, — это его улыбка. Спокойная, доброжелательная улыбка человека, который точно знает, что ужин будет подан вовремя.

Глава 2. Трапеза в темноте

Пробуждение было похоже на всплытие из глубины вязкого, черного масла. Сознание возвращалось урывками, болезненными толчками, каждый из которых отдавался тупой болью в висках. Алиса попыталась открыть глаза, но веки, казалось, были налиты свинцом. Она услышала звук — ритмичное, назойливое попискивание, как от кардиомонитора, и почувствовала запах. На этот раз не мяса. Пахло антисептиком, спиртом и еще чем-то неуловимо стерильным, больничным.

Она лежала на чем-то жестком и холодном. Спина ныла, а в левом локтевом сгибе ощущалось жжение, словно от катетера. Алиса заставила себя разлепить веки. Свет ударил по глазам — резкий, люминесцентный, безжалостный. Она застонала и попыталась прикрыть лицо рукой, но рука не слушалась. Что-то удерживало ее запястье, пристегивая к металлическому поручню кровати. Кожаный ремень, широкий, с грубой строчкой.

Паника, притупленная наркотическим дурманом, лениво шевельнулась где-то внутри. Алиса дернулась, загремев пряжкой. Бесполезно. Она приподняла голову, преодолевая головокружение, и осмотрелась. Это была не ее келья. Комната напоминала лазарет в полевых условиях или процедурный кабинет в каком-то ветхом учреждении. Белые кафельные стены с желтоватыми потеками, стеллажи с пустыми стеклянными банками, древний автоклав с облезшей эмалью в углу. И тишина, нарушаемая только писком прибора, к которому она была подключена, да ее собственным прерывистым дыханием.

На соседней койке, отделенной от нее узким проходом, кто-то лежал. Алиса скосила глаза, стараясь не делать резких движений. Человек был укрыт серым одеялом до подбородка, так что виднелась лишь макушка со спутанными темными волосами. Грудная клетка под одеялом мерно вздымалась и опускалась. Живой. Или живая.

— Эй, — прохрипела Алиса. Голос был чужим, скрипучим. Она прокашлялась, пытаясь увлажнить пересохшее горло. — Эй, вы меня слышите?

Человек на соседней койке не пошевелился. Алиса повторила громче, уже с оттенком отчаяния. Ответом была все та же мерная, невозмутимая тишина. Тогда она перевела взгляд на свою пристегнутую руку. Пальцы казались восковыми, ногти — синеватыми. Сколько она здесь пролежала? Что ей вкололи? И главное — зачем?

Перед глазами вспыхнула картина: высокий силуэт в дверном проеме, блеск металла, спокойный, лишенный эмоций голос: «Твоя аудитория хочет зрелищ». Зрелищ. Значит, это все еще шоу? Или тщательно продуманная пытка, замаскированная под шоу? Алиса вспомнила женщину в техническом коридоре, ее залитое кровью лицо, волокна плоти, свисающие из рта. Это не могло быть постановкой. Актриса так не сыграет. В ее глазах стоял настоящий, ничем не прикрытый голод — всепоглощающий, стирающий личность.

Писк монитора участился, вторя ее сердцебиению. Алиса попыталась успокоиться. Она применяла дыхательные техники, которым учила подписчиков, но они не работали. Страх был слишком силен. Он поселился в ней на клеточном уровне, превратившись в постоянный, ноющий звук в затылке, похожий на тот самый гул, что преследовал ее в келье.

Внезапно дверь в другом конце комнаты отворилась с тихим, хорошо смазанным звуком. Алиса замерла. Вошли двое. Она узнала первого — того самого, кто сделал ей укол. Высокий мужчина в длинном сером плаще, похожем на медицинский халат, только более грубого покроя. Лицо его, теперь освещенное лампами, оказалось неожиданно обыкновенным: тонкие черты, бледная кожа, зачесанные назад светлые волосы, аккуратная короткая борода. Никаких шрамов, никакой демонической ауры. Обычный человек лет сорока, похожий на университетского профессора или врача. Но глаза — светло-серые, почти бесцветные — смотрели с абсо-

лутным, ледящим равнодушием. Он не был зол, он не наслаждался ее страхом. Он просто выполнял свою работу, как патологоанатом за секционным столом.

Вторым был охранник — или надзиратель. Плотный, коротко стриженный мужчина в камуфляжных штанах и черной футболке, с лицом, напоминающим бульдога. В руках он держал поднос. Алиса сразу узнала этот поднос — темный металл, та же миска, тот же ломоть хлеба.

— Очнулась, — констатировал мужчина в плаще, останавливаясь у изножья ее кровати. Он говорил тихо, но голос его странным образом заполнял все пространство, отдаваясь легкой вибрацией в костях. — Отлично. Метаболизм у тебя хороший, это радует. Долго продержишься.

— Кто вы? — выдохнула Алиса, ненавидя себя за дрожь в голосе. — Что это за место? Я требую адвоката. Я подписала контракт, но это... это незаконно.

Профессор (она решила называть его так) чуть склонил голову набок, разглядывая ее с тем же самым выражением спокойного интереса, с каким энтомолог разглядывает редкого жука.

— Контракт, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Тридцать страниц, не так ли? Ты его читала? Там, в разделе семнадцать, пункт четыре дробь одиннадцать, четко прописано: «Участник соглашается на полное погружение в условия эксперимента, включая модификацию рациона, сенсорную депривацию и методы неотложной медицинской коррекции по усмотрению организаторов». Ты подписала. Ты согласилась.

— Я не соглашалась на это! — она дернула ремень. — Я не соглашалась быть прикованной к койке! Я не соглашалась есть мясо!

— Мясо? — Профессор едва заметно улыбнулся. Это была вежливая, холодная улыбка, от которой по коже побежали мурашки. — Мы называем это «белковый рацион первого уровня». И ты права, ты не соглашалась его есть. В этом и заключается суть эксперимента, Вера. Преодоление. Ты годами проповедовала, что человек способен контролировать свои инстинкты. Что дух сильнее плоти. Мы просто создали условия, в которых ты сможешь доказать это на практике. Всему миру. Трансляция, кстати, уже началась. Твои действия в техническом коридоре собрали рекордное количество просмотров.

Алиса похолодела. Трансляция. Они действительно снимают. И то, как она ползала по лазу, как кричала при виде окровавленной женщины, как, рыдая, поела рис на пороге камеры, — все это видят зрители. Ее аудитория. Люди, которые ей верили. Ее хейтеры, которые ждали ее падения. Это хуже любого физического насилия. Это публичное уничтожение ее личности.

— Вы чудовище, — прошептала она.

— Я — куратор, — поправил он без тени раздражения. — Моя задача — обеспечить чистоту эксперимента. Твоя задача — выжить, не потеряв рассудок. Правила тебе известны. Ты должна съесть все, что подано. Ты не должна покидать келью в темное время суток. Третье правило ты уже нарушила, впрочем, как и первое. Поэтому мы были вынуждены применить корректирующую терапию.

— Терапию? — она невесело усмехнулась. — Вы накачали меня наркотиками и привязали к кровати.

— Глюкоза, витаминный комплекс и легкое седативное, чтобы ты не навредила себе во время транспортировки. Не волнуйся, это полностью веганский состав, — в его голосе послышалась издевка, едва уловимая, но оттого еще более обидная. — Ни один зверь не пострадал. Однако, Вера, должен тебя предупредить. Каждый акт неповиновения будет караться. Сегодня тебе повезло — ты получила лишь первую степень коррекции. Дальше будет строже. И еще: твое знакомство с обитателями технического этажа было незапланированным. Мы устранили проблему.

Устранили проблему. Что это значило? Женщину убили? Или просто увели? Или она была не человеком, а... частью эксперимента? Алиса хотела спросить, но слова застряли в горле. Охранник тем временем поставил поднос на прикроватную тумбочку и отошел к двери, скрестив руки на груди. Профессор кивнул на поднос.

— Тебе нужно поесть. На этот раз меню стандартное. Тушеное мясо с овощами. Хлеб. Вода. Ты должна съесть все. В этом крыле камеры наблюдения не так чувствительны, но я буду знать, если ты оставишь хоть кусочек. — Он развернулся, собираясь уходить. — Ах да, и не пытайся подружиться со своим соседом. Он неразговорчив.

Они ушли. Дверь закрылась с тем же мягким, вкрадчивым шорохом. Алиса осталась одна, если не считать неподвижного тела на соседней койке. Запах мяса пополз по комнате, заполняя собой стерильное пространство, смешиваясь с запахом антисептика, создавая тошнотворный букет. Желудок снова скрутило — она не могла понять, от голода или от отвращения.

Она снова посмотрела на соседа. Теперь, когда глаза привыкли к свету, она разглядела детали. Одеяло покрывало фигуру, но контуры были не мужскими. Худые плечи, длинная шея, прядь светлых волос, выбившаяся из-под одеяла. Женщина. И она тоже была пристегнута — Алиса заметила второй ремень, охватывающий запястье, неподвижно лежащее поверх одеяла. Ее рука была тонкой, с длинными пальцами, ногти обломаны и покрыты засохшей кровью. Та самая женщина из коридора? Нет, у той волосы были темнее и спутанные в колтун. Эта лежала спокойно, ровно дыша. Но запястье... кровь под ногтями.

Алиса сглотнула. Жажда стала невыносимой. Она посмотрела на поднос. Там была вода, прозрачная, в том же запотевшем стакане. Она могла дотянуться до него левой рукой, но та была пристегнута, а правая лежала свободно. Она попыталась сесть, насколько позволял ремень, и потянулась за стаканом. Кончики пальцев едва коснулись стекла, но этого хватило, чтобы опрокинуть его. Вода разлилась по подносу, заливая хлеб.

— Проклятье, — выдохнула Алиса, обессилено падая на подушку.

И тут соседка зашевелилась. Одеяло сползло с ее лица, и Алиса увидела девушку. Совсем юную, почти подростка, с бледным, изможденным лицом и огромными, запавшими глазами. Глаза были голубыми, но такими светлыми, что казались почти прозрачными, как у фарфоровой куклы. Она смотрела в потолок, не мигая, и губы ее беззвучно шевелились.

— Эй, — тихо позвала Алиса. — Ты меня слышишь?

Девушка медленно, словно преодолевая сопротивление воды, повернула голову. Их взгляды встретились. В глазах незнакомки не было безумия, как у той женщины в коридоре. В них была пустота. Глубокая, бездонная, как колодец, в котором не осталось ни капли живой влаги.

— Ты новая, — сказала она. Голос был тихим, как шелест листьев. — Ты еще пахнешь свободой.

— Я Вера, — представилась Алиса, решив использовать псевдоним. — Кто ты? Как тебя зовут?

— Имя? — девушка нахмурилась, словно вспоминая что-то очень далекое. — Раньше у меня было имя. Сейчас... сейчас у меня номер. Третий номер. Или четвертый? Я забыла. Это неважно. Важно то, что ты ешь. И что ест тебя.

— Что ты имеешь в виду? — Алиса приподнялась на локте, забыв о боли в пристегнутой руке. — Что это за место? Это шоу? Где мы?

Девушка — назовем ее Номер Три — снова уставилась в потолок. Она заговорила медленно, с долгими паузами, будто каждое слово давалось ей ценой невероятных усилий.

— Ты видела сад? Нет? Его никто не видит. Только слышит. Сад гудит. Он всегда гудит. Он переваривает. Тех, кто не слушается. Тех, кто не ест. Тех, кого съели. Они становятся гулом.

Слова ее казались бредом сумасшедшей, но Алиса чувствовала, что в них есть какая-то жуткая, искаженная логика. Гул. Тот самый низкочастотный гул, что преследовал ее в келье.

Она думала, это генератор. Но что, если девушка права? Что, если этот звук издает нечто живое?

— Ты говоришь о здании? — осторожно спросила она. — Оно живое?

— Живое? — Номер Три тихо рассмеялась. Смех был похож на звон разбитого стекла. — Оно голодное. Оно всегда голодное. Хозяин кормит его. Мы все — корм. Но можно стать не кормом. Можно стать... едоком. Как она.

— Кто — она?

— Та, что приходит в темноте. Та, что ходит по коридорам. Она съела свою порцию. И чужую. И еще много всего. Она уже не человек. Она — часть сада.

Алиса вспомнила женщину в техническом коридоре, ее набитый рот, дикие глаза. «Ты не съела свое. Теперь ты станешь едой». Значит, это и есть тот выбор, который им предлагают? Либо ты ешь, что дают, и постепенно теряешь себя, превращаясь в хищника, обслуживающего голод этого места, либо становишься пищей для тех, кто уже превратился?

— Как тебя зовут на самом деле? — снова спросила Алиса. Ей нужно было зацепиться за человеческое, вытащить девушку из этого бреда.

Та долго молчала. Потом по ее щеке скатилась слеза — одинокая, прозрачная капля, оставившая дорожку на грязной коже.

— Лена, — прошептала она. — Меня звали Лена. Я приехала сюда, потому что хотела выиграть деньги на операцию для мамы. Думала, будет конкурс по выживанию. Собирать грибы, разводить костер. — Она снова горько усмехнулась. — Мама, наверное, уже умерла. А я здесь... уже шесть недель. Или семь. Я перестала считать, когда съела свою первую миску.

Шесть недель. Алиса похолодела. Дело было не в голоде, не в мясе. Дело было во времени. Шесть недель в этом месте способны превратить человека в овощ, в безвольную тень, которая даже имя свое помнит с трудом. Что же станет с ней через неделю? Через две?

— Ты должна есть, Вера, — вдруг твердо сказала Лена, повернув к ней голову. В ее глазах на мгновение мелькнуло что-то осмысленное. — Не борись с ними. Не убегай. Просто ешь. Это единственный способ остаться в живых. Еда здесь... она странная. Она меняет тебя, да. Но если не есть, ты умрешь быстро и страшно. Или станешь едой для Нее.

— Для кого?

— Для Той, что ходит. Их несколько. Они были такими же, как мы. Но они приняли правила. Полностью. Теперь они охотятся. Хозяин выпускает их по ночам. Или когда кто-то нарушает правила. Вчера ты нарушила, и ее послали за тобой. Но ты убежала. Это плохо.

— Почему плохо?

— Потому что теперь она тебя запомнила. Она будет искать тебя. Она захочет закончить трапезу.

Алису передернуло. Она вспомнила топот босых ног за спиной, чавканье, хриплое дыхание. Она думала, что спаслась. Но если верить Лене, охота только началась.

В комнате воцарилась тишина. Монитор пищал реже — сердце Алисы постепенно замедлялось, входя в ритм обреченности. Она перевела взгляд на поднос. Хлеб размок от пролитой воды, но мясо по-прежнему источало дурманящий аромат. Она знала, что рано или поздно ей придется его съесть. Профессор ясно дал понять: неповиновение будет наказано. А что такое наказание? Еще одна встреча с женщиной из коридора? Или нечто худшее?

Лена снова закрыла глаза, но не спала. Ее губы продолжали беззвучно шевелиться — она то ли молилась, то ли разговаривала с кем-то невидимым. Алиса смотрела на нее и видела свое возможное будущее. Сломленный разум, цепляющийся за остатки воспоминаний о прошлой жизни. Она не могла допустить, чтобы это случилось с ней. Она Вера Виноградова. У нее два миллиона подписчиков, книга-бестселлер о здоровом образе жизни, планы на мировой лекционный тур. Она не может исчезнуть здесь, в этом проклятом бетонном лабиринте.

Но как бороться? Бежать? Лаз в ее келье наверняка уже заделали. Кричать? Никто не услышит. Или, если верить Профессору, услышат миллионы, но они лишь прильнут к экранам в предвкушении нового аттракциона. Ее протест, ее страдания — всего лишь контент. Она сама была частью этой индустрии, гналась за просмотрами, рейтингами, лайками. Она создавала образ непобедимой, осознанной, идеальной женщины. И теперь этот образ рушился, как картонный домик, на глазах у всех.

Голод снова дал о себе знать ноющей болью в животе. Алиса посмотрела на миску. На этот раз мясо выглядело иначе. Вчера это было нечто бесформенное, разваренное. Сегодня же в миске, помимо кусков мяса, плавали какие-то плотные комочки, напоминающие почки, и длинные, скользкие полосы. Сердце. Или печень. Субпродукты. Алиса знала теорию — когда-то, до веганства, она пробовала паштет. Ее замутило от одного воспоминания.

Но тело требовало калорий. Она должна была признаться себе: та тарелка риса, которую она съела вчера, уже полностью израсходована организмом на борьбу со стрессом. Мышцы ныли, голова кружилась, перед глазами время от времени плыли темные пятна. Еще немного — и она не сможет даже сидеть.

— Ешь, — раздался тихий голос с соседней койки. Лена не открывала глаз, но, казалось, чувствовала ее колебания. — Первый раз самый трудный. Потом привыкаешь. Оно даже вкусное. Специи добавляют. Чтобы перебить привкус железа.

— Я не могу, — прошептала Алиса. — Это против всего, во что я верю.

— Во что ты веришь? — Лена усмехнулась. — В карму? В чакры? В то, что мир справедлив? Здесь нет ничего этого. Здесь есть только желудок. Твой и того, кто хочет тебя съесть. Твоя вера не спасет тебя от Нее. Только сытый желудок даст тебе силы убежать, когда она снова придет.

Алиса поняла, что девушка права. Умом она понимала это, но принять сердцем не могла. Шесть лет абсолютной чистоты. Шесть лет она доказывала себе и другим, что человек может жить без смерти. Что этика выше инстинктов. И что теперь? Один день в этом аду — и она готова сдаться?

Она протянула руку к миске. Пальцы дрожали. Железная ложка показалась неподъемной. Алиса зачерпнула немного бульона и поднесла к губам. Запах ударил в ноздри, вызывая спазм в горле. Она зажмурилась и сделала глоток.

Теплая жидкость обожгла пищевод. Вкус был насыщенным, солоноватым, с какими-то пряными травами. Мозг, отключив моральные фильтры, послал сигнал: «Еда. Хорошо. Еще». Алиса судорожно вздохнула и зачерпнула кусочек мяса. Оно было мягким, волокнистым, разжевывалось легко. Она старалась не думать о том, что это. Просто белок. Просто питание. Просто топливо. Она жевала, давясь слезами, которые текли по щекам и капали в миску. Каждый глоток был предательством. Но тело ликовало.

Она съела все. Миска опустела так быстро, что она даже удивилась. Хлеб, размокший от воды, пошел туда же — она вытерла им остатки подливки. Последний кусок встал поперек горла, но она протолкнула его усилием воли. А потом откинулась на подушку, тяжело дыша, чувствуя, как по телу разливается тепло. Сытость. Желанная, грубая, животная сытость, от которой на душе было одновременно и легче, и гаже.

— Вот и все, — прошептала Лена. — Добро пожаловать в Эдем.

Алиса не ответила. Она лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к ощущениям. Никаких галлюцинаций. Никаких видений. Только тяжесть в желудке и стойкое ощущение, что она перешла невидимую черту, за которой возврата нет. Она больше не была той Верой, что с улыбкой позировала с чашкой зеленого смузи. Она стала участницей эксперимента, элементом пищевой цепи.

Время снова потеряло всякий смысл. Лампы над головой не гасли, не мигали. Монитор продолжал пищать. Лена, казалось, уснула. Алиса же провалилась в странное полузабытьё, где

сны мешались с реальностью. Ей чудились лица ее подписчиков — они смотрели на нее сквозь экраны, смеялись, тыкали пальцами. Потом приходил Профессор, склонялся над ней и что-то шептал. Потом женщина из коридора, но уже без крови на лице, улыбалась и протягивала ей тарелку с яблоком. Яблоко было червивым, и из него выползали белые личинки.

Очнулась она от того, что кто-то расстегивал ремень на ее запястье. Алиса дернулась и открыла глаза. Охранник с лицом бульдога молча освобождал ее от пут. За его спиной стоял Профессор, держа в руках неизменный планшет.

— Показатели в норме, — объявил он, глядя на планшет. — Усвояемость отличная. Ты готова вернуться в свою келью. Надеюсь, ты усвоила урок. Следующее нарушение правил повлечет за собой не просто визит в лазарет. Мы перейдем к следующей фазе.

— Какой фазе? — спросила Алиса, растирая затекшее запястье. Кожа под ремнем покраснела и саднила.

— Фазе активной охоты. Ты ведь не думаешь, что единственный хищник здесь — наша блудная дочь из технического коридора? У нас богатый выбор. И поверь, они гораздо проворнее и умнее, чем кажутся.

Он кивнул охраннику, и тот грубо схватил Алису за локоть, рывком поднимая с койки. Ноги затекли, и она едва не упала. Охранник удержал ее железной хваткой и потащил к выходу. Алиса обернулась на Лену. Та смотрела на нее своими пустыми глазами и чуть заметно кивнула — то ли прощаясь, то ли подтверждая, что все сказанное ею — правда.

Ее вели по коридорам. На этот раз не техническим, а чистым, освещенным, с побеленной известкой стенами. Они миновали несколько дверей, из-за которых не доносилось ни звука. Потом поднялись по лестнице и снова погрузились в тускло освещенные деревянные переходы. Алиса пыталась запоминать дорогу, но коридоры ветвились, пересекались, создавая лабиринт. Вскоре она потеряла ориентацию.

Наконец, ее остановили перед знакомой дверью — обитой металлом, без ручки. Охранник толкнул створку, и Алиса, споткнувшись, ввалилась в свою келью. Дверь захлопнулась за спиной. Она снова была в заточении.

Первым делом она бросилась к лазу. Как и ожидалось, доска была намертво приколочена к стене — на ней виднелись свежие шляпки гвоздей. Путь к бегству отрезан. Кровать стояла на прежнем месте, стол и табурет тоже. Но кое-что изменилось. На стене, над изголовьем кровати, появился экран. Небольшой, тусклый, вмонтированный в деревянную панель так, словно он был здесь всегда. Экран показывал черноту. Алиса приблизилась и увидела ряд цифр, светящихся в углу.

01:59:58.

01:59:57.

01:59:56.

Обратный отсчет. Она поняла: это до следующей трапезы. Или до наступления темноты. Или до прихода Хищницы. Она не знала, что именно, но интуиция подсказывала: когда счетчик достигнет нуля, случится нечто важное. Возможно, дверь откроется, и ей придется либо принять пищу, либо самой стать ею.

Алиса отошла к стене и сползла по ней на корытообразный матрас. Силы, полученные от съеденного мяса, давали ей физическую возможность соображать, но морально она была раздавлена. Она скормила своим принципам первый кусок. Что дальше? Она вспомнила, как учила своих подписчиков «слушать свое тело». Тело сейчас говорило одно: «Выживай любой ценой». Но оставался еще разум, оставалась личность. Где грань, за которой выживание превращается в озверение? Лена, похоже, ее уже перешла. Та, в коридоре, тоже. Они съели мясо, но оно не просто насытило их — оно что-то сломало внутри, сделало зависимыми, изменило.

А что, если это мясо не простое? Что, если в нем содержатся какие-то вещества, наркотики, психотропы? Или, возможно, оно является частью того самого «сада», о котором говорила Лена? Алиса вспомнила странный, сладковато-железистый привкус, который она списала на специи. Может быть, это была маскировка для чего-то иного?

Она поднялась и подошла к столу. На этот раз здесь было пусто. Никаких записок, никакой еды. Только керосиновая лампа и стакан с водой — видимо, наказание за непослушание закончилось, и ей снова давали воду. Алиса жадно выпила ее. Мысли метались, как птицы в клетке.

Ей нужно было оружие. Или знание. Знание — вот ее оружие. Она всю жизнь собирала и распространяла информацию. Сейчас информация была единственным, что могло дать ей преимущество. Она начала методично, дюйм за дюймом, обследовать комнату. Стены были деревянными, но где-то должны быть вентиляционные отверстия, стыки, трещины. Она обшарила углы, простучала доски. Звук был глухим — везде капитальная деревянная конструкция, вероятно, с бетонной или металлической основой за ней. Потолок тоже не поддавался. Пол был из толстых досок, ни одна не шаталась.

И тут она заметила это. В углу, где сходились стена и пол, была маленькая, едва заметная царапина. Свежая, будто кто-то просунул что-то тонкое из-за плинтуса. Алиса опустилась на корточки и попыталась подцепить плинтус ногтями. Он отошел с тихим скрипом, обнажив узкую щель. Из щели пахло сыростью и тем самым низкочастотным гулом, который здесь ощущался сильнее. Алиса замерла, прислушиваясь. Ей показалось, что сквозь гул пробиваются какие-то слова. Нет, не слова — вздохи, стоны. Тихие, едва слышные, как шепот ветра в камышах.

Она прижалась ухом к щели. Сомнений не было: где-то глубоко внизу, под полом, находилось нечто живое. Не механизм. Существо, или множество существ, дышащих, стонущих, шевелящихся в темноте. Ее передернуло от омерзения и страха. Сад. Так они называли это. Подземный резервуар, где содержатся... кто? Проигравшие участники? Или изначально там были какие-то твари, порожденные больным воображением создателей «Эдема»?

Алиса отпрянула от щели и торопливо приладила плинтус на место. Ей расхотелось знать, что находится внизу. Но одно она поняла точно: ее комната находится непосредственно над этим «садом», и гул, который она слышит, — это вовсе не техника. Это биологический шум. Пищеварительный тракт чудовища, в роли которого выступает сам этот комплекс.

Счетчик на экране продолжал неумолимо тикать. 01:12:44. Час с небольшим. Алиса почувствовала, как нарастает тревога. Что будет, когда время выйдет? Дверь откроется? Или свет погаснет? Или что-то выползет из вентиляции? Она нервно мерила шагами комнату. Три шага вперед, три назад. Ожидание было хуже любой пытки.

Чтобы отвлечься, она начала вспоминать все детали подписанного контракта. Раздел семнадцать. Пункт четыре дробь одиннадцать. Модификация рациона. Сенсорная депривация. Неотложная медицинская коррекция. Да, это звучало именно так, как описывал Профессор. Но был ли там пункт про «хищников»? Про «показательное кормление»? Она не могла вспомнить. Юристы шоу наверняка подстраховались, облекли свои садистские игры в казуистические формулировки. Против них не попрешь. Она могла рассчитывать только на себя.

И тут ее осенило. Контракт. Она ведь не читала его, но менеджер — тот самый вечно обкуренный хипстер, Кирилл, — наверняка его читал. Или хотя бы пролистывал. Он должен был знать, на что ее подписывает. Может быть, он в сговоре с ними? Алиса вспомнила его уклончивые ответы, его восторги по поводу «бомбического проекта». Он продал ее. Продал за свой процент. При мысли об этом ее захлестнула волна ярости — первой настоящей ярости за все время заточения. Ярость была лучше страха. Она мобилизовала.

— Хорошо, — прошептала она в пустоту. — Вы хотите зрелищ? Вы их получите.

Но что она могла сделать? Единственное, что приходило на ум, — это говорить. Она была блогером, ее оружием всегда было слово. Даже если камеры скрыты, микрофоны наверняка есть. Она подошла к центру комнаты и встала лицом к тому месту, где, по ее предположению, мог находиться объектив или «глазок».

— Привет, Радомир, — сказала она громко, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно. — Привет, Профессор. Привет всем, кто меня сейчас видит. Я знаю, что вы смотрите. Я знаю, что вы ждете, когда я сломаюсь. Вы думаете, что мясо меня изменит. Что, съев его, я перестану быть собой. Вы ошибаетесь. Я Вера Виноградова. Я дважды выводила на чистую воду производителей поддельных органических продуктов. Я выдерживала травлю в прессе. Я пережила клиническую депрессию и вышла из нее без таблеток. Вы думаете, какая-то кучка извращенцев с куском мертвой плоти меня сломает? Вы просчитались.

Она говорила и чувствовала, как силы возвращаются к ней. Это был ее привычный режим — прямой эфир, обращение к аудитории. Пусть она не видит лиц, но она знает, что где-то там, за этими стенами, есть живые люди. Операторы, монтажеры, зрители. И среди них наверняка есть те, кто сомневается, кто сочувствует. Ее голос мог стать искрой.

— Я объявляю голодовку, — продолжила она, идя ва-банк. — Я не прикаснусь к вашей еде. Можете колоть мне свои препараты, можете запускать своих ручных хищников. Я буду бороться. И я призываю всех, кто меня слышит, кто еще сохранил человечность в этом проклятом месте, присоединиться ко мне. Мы не скот. Мы люди. Откажитесь есть — и их эксперимент провалится.

Она замолчала, тяжело дыша. Тишина была ей ответом. Только гул внизу, казалось, стал громче, как будто «сад» услышал ее слова и возмутился. Счетчик на экране мигнул и на секунду остановился, а затем продолжил отсчет. 00:47:12.

Ничего не произошло. Возможно, ее никто не услышал. Возможно, звук в ее камере отключен. А возможно, ее просто проигнорировали. Алиса опустилась на кровать. Эйфория прошла, оставив после себя усталость и пустоту. Но она сделала это. Она бросила вызов. И пусть это ничего не изменило снаружи, внутри что-то переключилось. Она больше не была пассивной жертвой.

В оставшееся время она пыталась готовиться к неизвестности. Она размяла мышцы, сделала несколько асан из йоги, чтобы разогнать кровь. Тело слушалось плохо, но двигаться было необходимо. Она чувствовала, что скоро ей понадобятся все ее физические ресурсы.

Когда счетчик достиг отметки 00:05:00, свет начал медленно гаснуть. Не резко, а плавно, как в театральном зале перед началом спектакля. Алиса вскочила, заняв позицию в углу, где она могла видеть всю комнату и дверь. Пять минут. Четыре. Три. Две. Одна.

00:00:00.

Лампочка погасла окончательно, погрузив комнату в кромешную тьму. Гул внизу взвыл на мгновение и стих, сменившись неестественной, звенящей тишиной. Алиса затаила дыхание. Она слышала биение собственного сердца, гулкое и частое. Где-то в глубине здания раздался протяжный скрежет металла — словно поворачивались огромные, давно не смазанные шестерни.

Дверь в ее келью медленно, со скрипом, отворилась.

В проеме стояла Тьма. Не просто отсутствие света, а живая, осязаемая субстанция, которая колыхалась и дышала. От нее веяло холодом и запахом — тем самым, сладковато-гнилостным, запахом «сада». Алиса вжалась в угол. Она не видела ни фигуры, ни движения, но знала: оно здесь. Нечто, что пришло за ней.

Из темноты коридора донесся звук. Влажное, скользкое шлепанье, как будто кто-то огромный и бесформенный полз по полу. Или множество кого-то. Звук приближался. Алиса зажмурилась, приготовившись к худшему.

Но в следующую секунду свет вспыхнул вновь — резко, ослепительно. Алиса инстинктивно прикрыла глаза ладонью, а когда отняла руку, дверь была закрыта. Комната была пуста. Только на полу, точно по центру, стоял поднос. На нем не было миски с мясом. Вместо нее стояла высокая стеклянная банка, наполненная мутной жидкостью, в которой плавало что-то белесое. Рядом — записка.

Дрожа от пережитого ужаса, Алиса подползла к подносу. Записка была написана от руки, тем же грубым шрифтом, но на этот раз с издевательской вежливостью.

«ДОРОГАЯ ВЕРА!

МЫ УСЛЫШАЛИ ТВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ. ГОЛОДОВКА — ЭТО СМЕЛО. НО ПОМНИ: В ЭДЕМЕ ГОЛОДАЮТ ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ.

СЕГОДНЯ У ТЕБЯ ОСОБОЕ МЕНЮ. ЭТО ТВОЙ ШАНС. СЪЕШЬ — И ВЫЙДЕШЬ НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ. ОТКАЖЕШЬСЯ — И ВСТРЕТИШЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПРИХОДИТ В ТЕМНОТЕ.

ПРАВИЛО НОМЕР СЕМЬ: ХИЩНИК ВСЕГДА ОСТАВЛЯЕТ СЛЕД».

Алиса перевела взгляд на банку. Белесый объект внутри медленно перевернулся, и она увидела это. Человеческое ухо. Аккуратно отрезанное, с капелькой запекшейся крови на мочке. В сердцевине ушной раковины блестела маленькая сережка — простое колечко, точно такое же, какое носил ее менеджер Кирилл.

Мир поплыл перед глазами. Алиса отшатнулась, зажимая рот рукой, чтобы не закричать. Значит, это правда. Они не шутят. Хищники оставляют след. И они уже добрались до внешнего мира. Или... до тех, кто остался за кулисами.

Тошнота подкатила с новой силой. Она смотрела на ухо, плавающее в банке, и понимала: голодовка закончилась, едва начавшись. Они нашли способ заставить ее есть. Потому что теперь на кону стояли не только ее принципы, но и жизни других людей. И с каждым ее отказом меню будет становиться все более... личным.

Экран над кроватью снова мигнул, и на нем высветился новый отсчет.

03:59:59.

На этот раз времени было больше. Но Алиса знала: когда он истечет, ей придется сделать выбор. И любой выбор будет вести в бездну. **Глава 2. Трапеза в темноте**

Пробуждение было похоже на всплытие из глубины вязкого, черного масла. Сознание возвращалось урывками, болезненными толчками, каждый из которых отдавался тупой болью в висках. Алиса попыталась открыть глаза, но веки, казалось, были налиты свинцом. Она услышала звук — ритмичное, назойливое попискивание, как от кардиомонитора, — и почувствовала запах. На этот раз не мяса. Пахло антисептиком, спиртом и еще чем-то неуловимо стерильным, больничным. Запах пропитывал воздух, густой и холодный, забирался в ноздри и оседал на языке горьковатым химическим привкусом.

Она лежала на чем-то жестком и холодном. Спина ныла, а в левом локтевом сгибе ощущалось жжение, словно там торчал катетер, впивающийся в вену при каждом ударе сердца. Алиса заставила себя разлепить веки. Свет ударил по глазам — резкий, люминесцентный, безжалостный, — и она застонала, пытаясь прикрыть лицо рукой. Но рука не слушалась. Что-то удерживало запястье, пристегивая его к металлическому поручню кровати. Кожаный ремень, широкий, с грубой строчкой, врезался в кожу при малейшем движении.

Паника, притупленная наркотическим дурманом, лениво шевельнулась где-то в глубине сознания. Алиса дернулась, загремев пряжкой. Бесполезно. Она приподняла голову, превоз-

могая головокружение, и осмотрелась. Это была не ее келья. Комната напоминала лазарет в полевых условиях или процедурный кабинет в каком-то ветхом, забытом богом учреждении. Белые кафельные стены с желтоватыми потеками, напоминающими застывшие слезы. Стеллажи с пустыми стеклянными банками, в мутных глубинах которых когда-то, возможно, хранились медицинские инструменты или образцы тканей. Древний автоклав с облезшей эмалью в углу, похожий на безмолвного стража. И тишина, нарушаемая только писком прибора, к которому она была подключена, да ее собственным прерывистым дыханием.

На соседней койке, отделенной от нее узким проходом, кто-то лежал. Алиса скосила глаза, стараясь не делать резких движений, которые могли бы привлечь внимание. Человек был укрыт серым одеялом до подбородка, так что виднелась лишь макушка со спутанными темными волосами. Грудная клетка под одеялом мерно вздымалась и опускалась. Живой. Или живая. Одеяло было тонким, казенным, и сквозь него проступали очертания хрупкого, почти детского тела.

— Эй, — прохрипела Алиса. Голос был чужим, скрипучим, словно несмазанная дверная петля. Она прокашлялась, пытаясь увлажнить пересохшее горло, которое саднило так, будто она наглоталась стекловаты. — Эй, вы меня слышите?

Человек на соседней койке не пошевелился. Алиса повторила громче, уже с оттенком отчаяния, которое прорывалось сквозь наркотическую завесу. Ответом была все та же мерная, невозмутимая тишина. Тогда она перевела взгляд на свою пристегнутую руку. Пальцы казались восковыми, ногти — синеватыми, с траурной каймой у основания. Кожа приобрела нездоровый, сероватый оттенок, а вены проступали слишком явно, словно их обвели синим фломастером. Сколько она здесь пролежала? Что ей вкололи? И главное — зачем?

Перед глазами вспыхнула картина: высокий силуэт в дверном проеме, блеск металла, спокойный, лишенный эмоций голос: «Твоя аудитория хочет зрелищ». Зрелищ. Значит, это все еще шоу? Или тщательно продуманная пытка, замаскированная под шоу? Алиса вспомнила женщину в техническом коридоре, ее залитое кровью лицо, волокна плоти, свисающие из рта, словно спагетти из мясного соуса. Это не могло быть постановкой. Актриса так не сыграет. В ее глазах стоял настоящий, ничем не прикрытый голод — всепоглощающий, стирающий личность, превращающий человека в одержимый пустотой сосуд.

Писк монитора участился, вторя ее сердцебиению. Алиса попыталась успокоиться, применить дыхательные техники, которым учила подписчиков в своих прямых эфирах. Вдох на четыре счета. Задержка. Выдох на шесть. Но техники не работали. Страх был слишком силен, слишком глубоко проник в каждую клетку. Он поселился в ней на молекулярном уровне, превратившись в постоянный, ноющий звук в затылке, похожий на тот самый гул, что преследовал ее в келье. Этот звук вибрировал в костях черепа, накладываясь на писк монитора, создавая какофонию тревоги.

Внезапно дверь в другом конце комнаты отворилась с тихим, хорошо смазанным звуком, который совершенно не вязался с общей атмосферой запустения. Алиса замерла, превратившись в слух. Вошли двое. Она узнала первого — того самого, кто сделал ей укол. Высокий мужчина в длинном сером плаще, похожем на медицинский халат, только более грубого покроя, из плотной, почти брезентовой ткани. Лицо его, теперь полностью освещенное лампами, оказалось неожиданно обыкновенным: тонкие черты, бледная кожа, зачесанные назад светлые волосы, аккуратная короткая борода, в которой уже проглядывала ранняя седина. Никаких шрамов, никакой демонической ауры. Обычный человек лет сорока, похожий на университетского профессора или врача, которому приходится сообщать родственникам о смерти пациента. Но глаза — светло-серые, почти бесцветные, как у выцветшей фотографии, — смотрели с абсолютным, леденящим равнодушием. Он не был зол, не наслаждался ее страхом. Он просто выполнял свою работу, как патологоанатом за секционным столом, для которого тело — лишь набор тканей и жидкостей.

Вторым был охранник — или надзиратель. Плотный, коротко стриженный мужчина в камуфляжных штанах и черной футболке, обтягивающей мощный торс. Лицо его, с тяжелой челюстью и маленькими, глубоко посаженными глазами, напоминало бульдога. Двигался он с той особой, экономной грацией, которая свойственна людям, привыкшим к физическому насилию. В руках он держал поднос. Алиса сразу узнала этот поднос — темный металл, та же глубокая глиняная миска, тот же ломоть хлеба, на этот раз не черного, а какого-то серого, словно испеченного из смеси золы и муки.

— Очнулась, — констатировал мужчина в плаще, останавливаясь у изножья ее кровати. Он говорил тихо, почти интимно, но голос его странным образом заполнял все пространство, отдаваясь легкой вибрацией в костях, как инфразвук. — Отлично. Метаболизм у тебя хороший, это радует. Долго продержишься. Признаться, я ожидал, что ты окажешься более хрупкой. Веганы часто страдают от скрытых анемий, но у тебя, видимо, был грамотный диетолог.

— Кто вы? — выдохнула Алиса, ненавидя себя за дрожь в голосе, за то, как он срывался на сип. — Что это за место? Я требую адвоката. Я подписала контракт, но это... это похищение. Это незаконно. Вы не имеете права держать меня здесь.

Профессор (она решила называть его так, потому что это слово лучше всего подходило к его отстраненной, изучающей манере) чуть склонил голову набок, разглядывая ее с тем же самым выражением спокойного интереса, с каким энтомолог разглядывает редкого жука, приколотого булавкой к бархату.

— Контракт, — повторил он, словно пробуя слово на вкус, растягивая слоги. — Тридцать страниц, не так ли? Ты его читала? Там, в разделе семнадцать, пункт четыре дробь одиннадцать, четко прописано: «Участник соглашается на полное погружение в условия эксперимента, включая модификацию рациона, сенсорную депривацию и методы неотложной медицинской коррекции по усмотрению организаторов». Копия договора, кстати, хранится у нас. С твоей живой подписью. Заверенной. Нотариально. Ты сама поставила ее, Вера. Или мне называть тебя Алисой? Настоящее имя ведь звучит интимнее, правда?

Услышав свое настоящее имя, Алиса вздрогнула. Лишь очень ограниченный круг лиц знал, что за псевдонимом «Вера Виноградова» скрывается Алиса Дмитриевна Соболева, девушка из подмосковного городка, когда-то сменившая паспортные данные ради эффектного бренда. Если он знает это, значит, он имеет доступ ко всему. Ко всей ее жизни.

— Я не соглашалась на *это*! — она снова дернула ремень, вкладывая в этот жест всю свою ярость. Кожа скрипнула, но удержала. — Я не соглашалась быть прикованной к койке! Я не соглашалась есть мясо!

— Мясо? — Профессор едва заметно улыбнулся. Это была вежливая, холодная улыбка, от которой по коже побежали мурашки, словно от прикосновения ледяного пальца к позвоночнику. — Мы предпочитаем термин «белковый рацион первого уровня». Он звучит менее... провокационно. И ты права, ты не соглашалась его есть. Точнее, соглашалась, но не осознавала этого. В этом и заключается суть эксперимента, Вера. Преодоление. Ты годами проповедовала, что человек способен контролировать свои инстинкты. Что дух сильнее плоти. Что этичный выбор — это основа цивилизации. Мы просто создали условия, в которых ты сможешь доказать это на практике. Всему миру. Трансляция, кстати, уже началась. Вчера ты была в тренде. Хештег «ВераВЛовушке» собрал полмиллиона упоминаний за час. Твои действия в техническом коридоре вызвали бурную реакцию — люди спорят, было ли это спланировано или ты действительно испугалась.

Алиса похолодела. Трансляция. Они действительно снимают. И то, как она ползала по лазу, как кричала при виде окровавленной женщины, как, рыдая, поела рис на пороге камеры, — все это видят зрители. Ее аудитория. Люди, которые ей верили, которые писали ей письма с благодарностью за «спасение от пищевого рабства». Ее хейтеры, которые ждали ее

падения, словно стервятники. Это хуже любого физического насилия. Это публичное, транслируемое в прямом эфире уничтожение ее личности, ее наследия, ее правды.

— Вы чудовище, — прошептала она, вкладывая в эти слова всю ненависть, на какую была способна.

— Я — куратор, — поправил он без тени раздражения, поправляя манжету своего плаща. — Моя задача — обеспечить чистоту эксперимента и безопасность участников в рамках протокола. Твоя задача — выжить, не потеряв рассудок. Правила тебе известны. Ты должна съесть все, что подано, до последней крошки. Ты не должна покидать келью в темное время суток. Третье правило — никогда не покидать келью без спроса — ты уже нарушила, впрочем, как и первое. Поэтому мы были вынуждены применить корректирующую терапию.

— Терапию? — она невесело усмехнулась, чувствуя, как горечь разливается во рту. — Вы накачали меня наркотиками и привязали к кровати. В моем мире это называется пыткой, а не терапией.

— Глюкоза, витаминный комплекс группы В и легкое седативное — диазепам в микродозах, — перечислил он с монотонной интонацией провизора, зачитывающего рецепт. — Чтобы ты не навредила себе во время транспортировки и не получила кардиогенный шок. Не волнуйся, это полностью веганский состав. Ни один зверь не пострадал при производстве. Все синтезировано в лаборатории. — В его голосе послышалась издевка, едва уловимая, как призыв флейты в симфонии, но оттого еще более обидная. — Однако, Вера, должен тебя предупредить: каждый акт неповиновения будет караться по нарастающей. Сегодня тебе повезло — ты получила лишь первую степень коррекции. Лазарет, капельница, наблюдение. Дальше будет строже. Гораздо строже. И еще: твое знакомство с обитателями технического этажа было незапланированным. Мы устранили проблему. Маргарита больше не беспокоит тебя.

Маргарита. Так звали ту женщину? Алиса вздрогнула от того, каким будничным тоном он произнес это имя, словно речь шла о сбежавшей из вольера кошке. Устранили проблему. Что это значило? Ее убили? Заперли в изоляторе? Или она была не человеком, а... частью эксперимента, биоинженерной конструкцией, которую просто отключили? Алиса хотела спросить, но слова застряли в горле, словно кость. Охранник тем временем поставил поднос на прикроватную тумбочку — жестяной столик на колесиках, облупленный и шаткий, — и отошел к двери, скрестив руки на груди. Он не сводил с нее глаз, и в его взгляде читалось не любопытство, а голодная, терпеливая оценка, как у мясника, прикидывающего, сколько выйдет вырезки.

Профессор кивнул на поднос.

— Тебе нужно поесть. На этот раз меню стандартное. Тушеное мясо с овощами — морковь, сельдерей, немного картофеля. Хлеб. Вода. Ты должна съесть все. В этом крыле камеры наблюдения не так чувствительны, но я буду знать, если ты оставишь хоть кусочек. Поверь, в твоих интересах, чтобы я оставался доволен. — Он развернулся, собираясь уходить, полы его плаща взметнулись, как крылья. — Ах да, и не пытайся подружиться со своим соседом. Он неразговорчив. Точнее, она. Но это не имеет значения. Ей уже нечего сказать.

Они ушли. Дверь закрылась с тем же мягким, вкрадчивым шорохом, и Алиса осталась одна, если не считать неподвижного тела на соседней койке. Запах мяса пополз по комнате, заполняя собой стерильное пространство, смешиваясь с запахом антисептика и создавая тошнотворный, приторный букет. Желудок снова скрутило — она не могла понять, от голода или от отвращения. Мясо пахло слишком насыщенно, слишком пряно, и этот аромат казался почти непристойным в этой больничной белизне.

Она снова посмотрела на соседку. Теперь, когда глаза окончательно привыкли к свету, она разглядела детали, которые раньше ускользали. Одеяло покрывало фигуру, но контуры были определенно женскими. Худые, почти прозрачные плечи, длинная шея с выступающими позвонками, прядь светлых, льняных волос, выбившаяся из-под серой ткани. Женщина. И она тоже была пристегнута — Алиса заметила второй ремень, охватывающий тонкое запястье,

неподвижно лежащее поверх одеяла. Рука была тонкой, с длинными музыкальными пальцами, но ногти обломаны почти до мяса, а под ними запеклась темная кровь. Та самая женщина из коридора? Нет, у той волосы были темнее, почти черные от грязи, и сбиты в колтуны. Эта лежала спокойно, ровно дыша, словно спала. Но запястье... кровь под ногтями говорила о том, что этот сон мог быть лишь передышкой.

Алиса сглотнула. Жажда стала нестерпимой, язык прилипал к небу, а губы потрескались. Она посмотрела на поднос. Там была вода — прозрачная, в том же запотевшем стеклянном стакане, который выглядел как мираж в пустыне. Она могла дотянуться до него левой рукой, но та была пристегнута, а правая лежала свободно. Алиса попыталась сесть, насколько позволял ремень, и потянулась за стаканом, напрягая мышцы так, что они задрожали. Кончики пальцев едва коснулись холодного стекла, скользнули по конденсату, но этого оказалось достаточно, чтобы нарушить равновесие. Стакан опрокинулся с тихим звоном. Вода разлилась по подносу, заливая хлеб и тонкой струйкой стекая на пол.

— Проклятье, — выдохнула Алиса, обессилено падая на подушку. Слезы бессилия обожгли глаза.

И тут соседка зашевелилась. Одеяло сползло с ее лица, словно саван с покойника, и Алиса увидела девушку. Совсем юную, почти подростка, хотя впалые щеки и тени под глазами старили ее. Бледное, изможденное лицо с прозрачной, как пергамент, кожей, сквозь которую просвечивали голубые вены. Огромные, запавшие глаза — голубые, но такие светлые, что казались почти белыми, как у фарфоровой куклы, пролежавшей полвека на чердаке. Она смотрела в потолок, не мигая, и губы ее беззвучно шевелились, словно она читала молитву или разговаривала с невидимым собеседником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.